

Осипова Ольга Ивановна

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ О БЛУДНОМ СЫНЕ В ПРОЗЕ Ф. СОЛОГУБА, В. БРЮСОВА, М. КУЗМИНА**

В статье рассматривается как прямое, так и косвенное обращение Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Кузмина к архетипическому сюжету о блудном сыне. Авторское сознание реализует возможность изменения главного сюжета притчи. В диалоге произведений с текстом притчи трансформации подвергается, главным образом, сюжетный компонент возвращения героя. Интерпретация сюжета связана с мировоззренческим кризисом рубежа веков.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/30.html](http://www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/30.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 109-111. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/](http://www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 82-31

**Филологические науки**

*В статье рассматривается как прямое, так и косвенное обращение Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Кузмина к архетипическому сюжету о блудном сыне. Авторское сознание реализует возможность изменения главного сюжета притчи. В диалоге произведений с текстом притчи трансформации подвергается, главным образом, сюжетный компонент возвращения героя. Интерпретация сюжета связана с мировоззренческим кризисом рубежа веков.*

*Ключевые слова и фразы:* сюжет-архетип; мотив; инвариант; притча; модернизм; Ф. Сологуб; В. Брюсов; М. Кузмин.

**Осипова Ольга Ивановна**, к. филол. н., доцент

*Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный институт, г. Владивосток  
fia-fa@mail.ru*

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ О БЛУДНОМ СЫНЕ  
В ПРОЗЕ Ф. СОЛОГУБА, В. БРЮСОВА, М. КУЗМИНА ©**

На рубеже XIX–XX веков, в период модернизма литература обнаруживает явную устремленность к архетипическим образам, мотивам, сюжетам. Сюжет притчи о блудном сыне – один из основных библейских сюжетов, реализующих диалог литературы и мифологии, диалог авторского мировоззрения, порожденного текста и культурного наследия. Библейский нарратив, как инвариант, сохраняется во многих прозаических произведениях рубежа веков: «Мотив блудного сына шире – сюжет о блудном сыне является важным концептом культуры, многократно повторяющимся в мировой литературе» [7, с. 176]. Важно отметить, что, помимо очевидных мотивов ухода и возвращения, сюжет включает мотив инициации героя и мотив взаимоотношений отцов и детей. В каждом отдельном произведении конкретное жизненное событие инспирирует художественную модель притчи.

В малой прозе Ф. Сологуба довольно часто актуализируется сюжет о блудном сыне, причем актуальным мотивом будет мотив взаимоотношений поколений. Довольно часто в рассказах ребенок конфликтует со старшим поколением. Например, в рассказе «Утешение» готовый совершить самоубийство герой уходит из дома после того, как его жестоко наказала мать. Он прячется от нее, разыскивающей и беспокоящейся о нем, в подворотнях.

Часто притчевый мотив ухода из дома отца реализуется в рассказах уходом из жизни (символически этот мир воспринимается как дом Отца). Потому дихотомия «свое – чужое» пространство, осваиваемое героем притчи, в рассказах Сологуба предстает как дихотомия «жизнь – смерть». Например, в рассказе «Жало смерти» Ваня (представляющий разрушающее, темное, пагубное начало) так описывает два пространства: «...куда ни придешь ты на земле, – все реки, деревья, трава, – все, все, брат, одно и то же. А там, за гробом, совсем, совсем не похожее. Что там, я не знаю, и никто не знает, – но разве тебе здесь нравится?» [8]. И вот уже думает соблазненный Коля, что «нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть» [Там же]. Ваня лишает Колю последней опоры – веры в Бога: «Ну вот, если Он тебя спасти хочет, пусть эти камни в торбочке сделает хлебом» [Там же] – убеждает Ваня (буквально воспроизводится сюжет об искушении Христа в пустыне). Постепенный уход от жизненных начал заканчивается отрицанием божественного промысла. Мотив «возвращения» в этом и других рассказах не заявлен, потому что невозможно в этом мире реализовать сакральную сторону сюжета притчи о возвращении к Богу и прощении. Человек рубежа веков слишком свободен для этого: он способен только на уход.

Особое внимание в реализации сюжетной схемы притчи уделяет Ф. Сологуб компоненту «скитаний» героя-подростка. Объективно во внешнем мире героев ничего не происходит, изменениям подвергается внутренний мир, душа, которая всё больше утрачивает связи с этим миром. Герой находится в особой атмосфере опустошения и безразличия. Например, у Коли из рассказа «Жало смерти» уже нет любимых занятий, предметов, как и любимых людей («мамочка» уже не занимает в его душе центральное место), потому и природа может действовать на него только угнетающе. Это проявляется в постепенной утрате миром красок. Схожий компонент появляется в рассказе «Утешение», скитающийся по улицам города герой вдруг начинает видеть вокруг себя нечто потустороннее и несвойственное этому миру: «Люди были непохожи на людей: шли русалки с манящими глазами, странно-белыми лицами и тихо журчащим смехом, – шли какие-то, в черном, злые и нечистые, словно извергнутые адом, – домовые подстерегали у ворот, – и еще какие-то предметы, длинные, стоячие, были как оборотни» [9]. Так, в рассказах Ф. Сологуба реализуется только часть сюжетной схемы притчи. Эксплицирующим авторское мировоззрение является невозможность возвращения героя, которое в сакральном смысле притчи презентует возвращение к Богу, воскрешение из мертвых (в притче: сын был мертв и ожил, пропал и нашелся).

С. П. Ильев провел параллель между биографической канвой жизни Рупрехта, героя романа В. Брюсова «Огненный ангел», описанной в наиболее полной мере в «Посвящении читателю» и в заключительной главе, и притчей о блудном сыне [3, с. 91–94]. Кратко остановимся на этих параллелях. Как и в притче, Рупрехт –

младший сын человека, имевшего двух сыновей. Старший сын Арним, «успешно изучив ремесло отца дома и в школах, был принят в корпорацию Трирскими медиками» [2, с. 145]. А младший «быстро освоился с разгульным времяпровождением» [Там же, с. 146], так что ему грозило заключение в городскую тюрьму; а впоследствии он бежал из дому, прихватив с собою 25 отцовских гульденов. «Новая жизнь» в Новом Свете и служба в немецких домах, а также «жестокие душевные потрясения в любви к одной индейской женщине» [Там же, с. 151] и к Ренате можно соотнести со словами притчи: «И пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней» (Лук., XV, 15) [6, с. 85]. За время связи с Ренатой Рупрехт действительно «расточил» все, что он приобрел в Новом Свете.

После исчезновения Ренаты Рупрехт уже твердо знал, что он не поедет в родной Лозгейм к родителям, так как ему «казалось нестерпимым явиться перед ними каким-то неудачником, без денег, без надежд, чтобы отец вправе был сказать мне в лицо: – Был ты бездельником, таким и остался?» [2, с. 342]. Он сближает свой случай с евангельской притчей, чтобы развести эти параллели: «Я не хотел входить в город, потому что не хотел явиться перед родителями, как блудный сын в Евангелии, нищим и несчастным, <...> лучшим было оставить их в уверенности, что меня нет в живых, с чем они давно примирились» [Там же, с. 431]. Кстати, он убедился, что после 10-летнего отсутствия все считают его погибшим во время Итальянского похода. Как известно, в притче «увидел его (блудного сына) отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» [6, с. 85]. Нераскавшийся грешник Рупрехт из своего укрытия смотрел на своих стариков украдкой, «не смея стать перед ними на колени, поцеловать их сморщенные руки, просить их благословения» [2, с. 432]. Как отмечает Ильев, «моральный урок исповеди Рупрехта не совпадает с заданной моралью евангельской притчи. Биография его повторяет схему притчи о блудном сыне, но в новую эпоху мотивы блуждания создают предпосылки для формирования этического кодекса на возрожденческой основе, по своей сущности гедонистической, тогда как евангельская мораль преследует аскетический идеал» [3, с. 93].

Таким образом, С. П. Ильев утверждает, что история Рупрехта накладывается на элементы притчи частично. «Кроме того, здесь притча выступает как источник литературной стилизации, поскольку «Огненный ангел» выдается автором за рукопись XVI века, когда притча о блудном сыне была особенно популярна в среде студенческой молодежи» [4, с. 144].

Т. Н. Бревева отмечает, что притча о блудном сыне связана с пространственной организацией романа, привносит мотив пустого кружения, что в свою очередь раскрывает онтологическое понимание смысла жизни: «Притча становится текстом-кодом, раскрывающим суть земной жизни. Циклический возврат приводит к отрицанию самой идеи движения и обуславливает замкнутость земного мира» [1, с. 26].

Важно отметить структурную связь романов М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и «Подвиги Великого Александра» с притчей о блудном сыне, построенной на композиционном принципе «уход-возвращение». Сюжетно последние две части кузминской Александрии укладываются в мифопоэтическую схему притчи: уход героя из завоеванного им Вавилона после коронации и свадьбы с Роксаной в момент, когда он достиг верха «человеческого счастья» [5], скитание героя с целью изменить судьбу, возвращение и принятие судьбы (в притче – покаяние). После «ухода» Александра из Вавилона актуализируются лексемы связанные с блужданием, путешествием, походом, странствованием. Но одновременно столь же отчетливо звучат лексемы возвращения. Эти лексемы эксплицируют антитетичные мотивы странствования-возвращения. Например, в главе «Странствование по пустыне» Александр хочет видеть край земли, отправившись туда морем, но принужден вернуться: «Наконец туман так стусился, что казался порфировой стеною, и король принужден был вернуться к берегу. Долго стоял Александр у туманного моря и потом, вздохнув, направился в глубь страны» [Там же]. В сюжете романа буквально реализуется попытка проникнуть в мир мертвых, чтобы вернуться оттуда бессмертным, что соответствует таким патернам притчи как «считался мертвым и воскрес». Неспособность перейти границу предполагает невозможность пройти инициацию, что для героя романа имеет принципиальное значение. Инициацией для Александра станет обретение бессмертия (на метафизическом уровне в сюжете притчи – воскресение), поскольку он верит, что он сын бога Аммона. Но несбыточность мечты о бессмертии – это тоже разрушение смыслового узла притчи о возвращении в Дом Отца.

В «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо...» также эксплицированы мотивы ухода-возвращения, усиленные мотивом «бездомности» героя. Странствия Калиостро имеют циклический характер: Рим – Лондон – курляндский город Митаву – Петербург – Варшава – Страсбург – Лион – Париж – Лондон – Рим. В Риме начинается его деятельность и трагически завершается. С какой целью отправляется в путешествие Калиостро? Главным, на наш взгляд, будет его духовный поиск, суть которого он выражает во время своего пребывания в России: поиск «обновления духа». Но он не доведен до конца. В определенный момент героем овладевает только стремление к материальным ценностям, которых он лишается, попав в тюрьму («растратив имение свое»). Духовные поиски героя не увенчались успехом.

Как видим, библейская притча о блудном сыне, хотя и приобретает некоторые изменения, в целом становится неотъемлемой частью идейно-художественного мира рассмотренных произведений. Разворачиваясь, изначальный смысловой код обнаруживает новые смыслы, потенциально заложенные и сконцентрированные в сюжете-архетипе. Перенос этого сюжета в литературу модернизма связан с актуализацией сакрального смысла притчи, который полемически переосмысливается в связи со сложившимися на рубеже веков представлениями о нравственной норме. Главным компонентом полемики является мотив «возвращения» к Богу. Предложенные варианты архетипического сюжета определяются кризисом мировоззрения и отчуждением человека от мира и Бога.

*Список литературы*

1. **Бреева Т. Н.** Роман В. Я. Брюсова «Огненный ангел» как «неомифологический» текст // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 25-29.
2. **Брюсов В.** Проза. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Библиосфера, 1997. Т. 3. 494 с.
3. **Ильев С. П.** К вопросу о жанровой природе «Огненного ангела» Валерия Брюсова // Валерий Брюсов. Исследования и материалы. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1986. С. 89-101.
4. **Ильев С. П.** Поэтика русского символистского романа. Л.: Наука, 1991. 167 с.
5. **Кузмин М.** Подвиги Великого Александра [Электронный ресурс] // Кузмин М. А. Стихи и проза. М.: Современник, 1989. URL: [http://az.lib.ru/k/kuzmin\\_m\\_a/text\\_0264.shtml](http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0264.shtml) (дата обращения: 24.06.2014).
6. **От Луки** // Евангелие. Новый завет. М.: Изд-во Святоуспенского Псково-Печерского монастыря, 1993. 367 с.
7. **Радь Э. А.** Сотворение новой реальности в «Стихах к сыну» М. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12: в 2-х ч. Ч. II. С. 176-178.
8. **Сологуб Ф.** Жало смерти [Электронный ресурс] // Сологуб Ф. Жало смерти. Истлевающие личины. СПб.: Навьи чары, 2001. 464 с. URL: [http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story\\_64.html](http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_64.html) (дата обращения: 24.06.2014).
9. **Сологуб Ф.** Утешение [Электронный ресурс] // Сологуб Ф. Жало смерти. Истлевающие личины. СПб.: Навьи чары, 2001. 464 с. URL: [http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story\\_59.html](http://www.fsologub.ru/lib/short-story/short-story_59.html) (дата обращения: 24.06.2014).

**ARCHETYPAL STORY ABOUT THE PRODIGAL SON  
IN THE PROSE BY F. SOLOGUB, V. BRYUSOV, M. KUZMIN**

**Osipova Ol'ga Ivanovna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
*Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok*  
*fa-fa@mail.ru*

The article examines both direct and indirect references of F. Sologub, V. Bryusov, M. Kuzmin to the archetypal story about the Prodigal Son. The author's consciousness realizes the possibility for changing the basic subject of a parable. In the dialogue of literary works with the text of a parable the subject of transformation is basically the narrative component of a return of a character. Interpretation of the story is related to the ideological crisis at the turn of the century.

*Key words and phrases:* story – archetype; motive; invariant; parable; modernism; F. Sologub; V. Bryusov; M. Kuzmin.

УДК 81-22

**Филологические науки**

*В статье предпринимается попытка описания феномена достоверность в рекламе с опорой на работы американских и немецких исследователей маркетинговой и рекламной коммуникаций. Автор предлагает определение термина «достоверность», которое учитывает особенности рекламы как одного из видов убеждающей коммуникации. На примере некоторых немецкоязычных рекламных объявлений и плакатов в статье рассматривается эффект, производимый на достоверность конкретного рекламного сообщения использованием в нем юмора, который понимается автором в данной статье как стилистический прием.*

*Ключевые слова и фразы:* рекламная коммуникация; достоверность рекламного сообщения; юмористическая реклама; языковая игра.

**Папченко Мария Юрьевна**

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*  
*m.papchenko@gmail.com*

**ЮМОР И ДОСТОВЕРНОСТЬ В РЕКЛАМЕ  
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ)<sup>©</sup>**

Несмотря на то, что юмору вообще и в рекламе, в частности, посвящено большое количество исследований, до сих пор не существует однозначного определения понятия *юмор*. Очевидно, что это многогранное и сложное явление.

Учитывая прагматическую направленность рекламной коммуникации, под юмором мы будем понимать **осознанное стремление автора рекламного сообщения вызвать у адресата конкретную реакцию**.

В зависимости от типа юмора желаемая реакция может быть различной. Используя некоторые шутки, создатели рекламы стремятся **насмешить, развеселить** аудиторию, рассчитывая воздействовать, прежде всего, на эмоции. Если же шутка апеллирует к когнитивному уровню сознания человека, то в случае коммуникативной удачи она призвана **доставить** своему адресату **интеллектуальное удовольствие**.

С середины прошлого века воздействие рекламных сообщений активно изучалось американскими маркетологами. В 1973 году Стернтал и Крэйг сформулировали основные коммуникативные цели рекламы и впервые проанализировали роль юмора в процессе достижения этих целей. К основным целям рекламы